

17 октября в венском «Musikverein» состоится необычный концерт. Выступает квартет в составе: Максим Венгеров, Юлиан Рахлин, Юрий Башмет, Мстислав Ростропович. Чья это идея, почему именно таким составом?

В музыкальном мире часто происходит стечение интересов, в результате которого вырастают акции. В Кремоне есть хороший скрипичный мастер Леонидас Рафаэлян. Он сделал квартет (две скрипки, альт, виолончель) и обратился персонально к каждому из нас. Договорился с руководством «Musikverein», самого престижного и шикарного по акустике зала в Европе, и предложил преподнести в дар залу эти инструменты. Для того, чтобы событие «прозвучало», ему нужны были имена. Думаю, прежде всего, имя Ростроповича — он открыт ко всевозможным идеям. Ростропович мгновенно откликнулся. Зал очень хороший, и даже если инструменты не очень хорошие, а исполнители приличные, то все прозвучит.

Для меня это интересная, свежая акция. Я не изменяю своему альту. Конечно, у меня есть второй — на всякий случай. Но всю жизнь я играю на этом инструменте [Тесторе, 1758. — Прим. ред.].

Лишь два раза мне приходилось сознательно изменить ему. Один раз я играл на Страдивари из коллекции Королевской музыкальной академии в Лондоне. Эту акцию готовила принцесса Диана незадолго до трагической гибели, и концерт превратился в вечер ее памяти.

Фото Л. Лобановой

Я НЕ ИЗМЕНЯЮ СВОЕМУ АЛЬТУ

С Юрием БАШМЕТОМ
беседует главный редактор «МО»
Андрей УСТИНОВ

Второй раз — исторический случай: я играл на альту Моцарта из его дома в Зальцбурге. На этом инструменте более 200 лет никто не давал концертов. Кстати, это тоже работа Тесторе, разница с моим инструментом — всего три года, такое совпадение.

— Выход альта на концертную эстраду весь мир давно связывает с Вашим именем. Почему до сих пор ни в России, ни за рубежом у Вас нет концертов, почему не появляются альтисты-солисты — пусть не Вашего уровня, но уровня достойного?

— Конечно, не мне об этом рассуждать... Собственно, и мое появление с альтом не могло произойти без всего накопления, которое было до меня. Музыке и вкусу меня научил Дружинин, а он — ученик Борисовского.

Точно так же и сейчас. Накопление происходит. И когда появится в правильное время человек с невероятной амбицией (в хорошем смысле), у него не будет проблемы пробиться. Во всяком случае, ему уже не нужно будет доказывать всем, что альт — сольный инструмент. Помню, как я ходил, добивался сольного концерта в Большом зале консерватории. Автоматически «в обойму» попадали только лауреаты конкурса им. Чайковского, а альт в нем не участвует...

Я чувствую, как изменилась ситуация, когда отказываюсь от какого-либо предложения. Если 20 лет назад я отказывался, например, сыграть где-то Концерт Бартока, то приглашали не другого альтиста, а пианиста или скрипача. Композитора оставляли, произведение заменяли. Сейчас другое. Недавно, например, я предложил вместо себя победителя моего прошлого конкурса, Даниила Гришина из Нижнего Новгорода. Он выступил с большим успехом. Есть западные альтисты. Я знаю, что иногда Ким Кашкашян, Табеа Циммерман, Жерар Коссе дают сольные концерты. Но — не им ситуацию «переломить».

Вообще, уровень альтовый резко возрос. Это видно и по последнему конкурсу им. Тертиса [остров Мэн, август 2003. — Прим. ред.]. Было заявлено 124 участника, приехали 77. На второй тур нужно было пропустить всего 8. Было «до крови» обидно, потому что по уровню на втором туре могли играть человек 30 — абсолютно владеющие инструментом, со своими идеями. И без главной альтовой проблемы, которой раньше всегда была интонация. Произошло не просто развитие альтового исполнительства, а определенный рывок.

— Не кажется ли Вам, что сегодня в мире существует некоторый «перекос» в сторону юных дарований? Иногда кажется, что играют или очень молодые, или весьма пожилые. А поколение, которому 35–45 лет, оказалось в некотором вакууме.

В целом, все зависит от общеэкономической ситуации и духовно набранного уровня в конкретной стране. Но эта проблема есть везде. Интересно или открывать имя, или узнать — а может ли этот, некогда знаменитый, солист еще двигаться.

Однажды в Милане преклонных лет пианист написал на программке «Мои первые 100 лет, мой первый концерт». Вышел на сцену, сыграл концерт. После этого журналисты спросили его, как ему удается в столь почтенном возрасте играть наизусть, без нот. «А знаете, — ответил он, — я просто ничего не вижу».

— Что Вы думаете о сегодняшней музыкальной России: проблемы, тенденции, недостатки, достижения?

Я могу только фантазировать и высказывать свои ощущения. Потому что, если бы я все знал, писал бы сейчас трактаты, бегал к президенту и объяснял, как надо делать. У меня нет системы, она как-то не сложилась.

— Тогда более конкретно — о Московской консерватории.

— ... При советской власти по Московской консерватории ходили Ойстрах и Коган. И Рихтер, и Ростропович, и Гилельс... Я понимаю, сейчас другое время. Если бы по атмосфере консерватории, по ее возможностям, по окружающей жизни вообще — если бы время было прежним, я думаю, по консерватории ходил бы сегодня Третьяков с тем же авторитетом, как Ойстрах. А этого, к сожалению нет.

Появляются люди, которые начинают будоражить музыкальную жизнь. Тогда появлялись исполнители на уровне Третьякова — шикарного, эталонного молодого скрипача, у которого всегда был свой зал. На этом уровне всегда были блестящий Владимир Спиваков со своим уникальным звуком и манерой исполнения, экстравагантный Гидон Кремер, который привлекал к себе совершенно по-другому — программами, виртуозностью, мыслями; был элегантный Олег Каган с невероятным вкусом.

Это не значит, что сегодня нет серьезных и очень хороших музыкантов. Время идет. Когда я учился в консерватории, было две совершенно не похожих друг на друга скрипичных школы, великих школы. А все это вместе называлось советской школой. Янкевич и Ойстрах. Да, сегодня нет Янкевича, но его ассистенты выросли и изумительно занимаются. И Глезарова, и Бочкова, раньше Чугаева.

А что касается консерватории, то одним словом не скажешь. Я бы не стал говорить о минусах. Есть много позитивных явлений, консерватория сейчас направлена в хорошую сторону. Надо не мешать, а помогать этому процессу.

— Главное событие года в культуре — это президентские гранты. Подписание Указа вызвало массовый отклик — как позитивных, так и негативных. Как Вы отнеслись к новой государственной политике?

— Безусловно, это решение и его воплощение — грандиозный положительный прорыв. Поэтому шапки off перед теми, кто сумел этот процесс довести и перед Президентом. Понятно, что резкие движения, даже если они положительные, не могут не повлечь за собой негативных последствий. Я имею в виду тех, кто оказался не «детьми капитана Гранта», а «детьми лейтенанта Шмидта». Это шоковая ситуация в Петербурге. Оркестр ЗКР — изумительный коллектив, лидирующий. И грант ему присужден абсолютно справедливо. Но второй оркестр Петербургской филармонии и дирижер мусинской школы А. Дмитриев не виноваты в том, что в указе не было места для большого количества коллективов. Тот, кто продумывал эту историю, должен был представлять, что будет происходить с теми, кто вошел в список, и что будет происходить с теми, кто вошел, через три года.

Не очень правильна и формулировка «кто проявит себя, тот получит следующие гранты». Ведь у тех, кто не получил сейчас, просто нет сил доказывать, что именно им надо дать. А те, кому дали, и так в творческом порядке. БСО на протяжении многих лет стабильно находится в качественном состоянии. Понятно, что Мариинский театр — это уровень, это гордость России. И если он получает, то по всем политическим и иным причинам не может не получить Большой. Лучшим московским оркестром всегда был Госоркестр со Светлановым. И понятно, что этому оркестру грант давался за былые заслуги и за славу.

Лето и осень Юрия Башмета

Июнь. Конгресс альтистов в Кронберге (Германия). Концерты с оркестром «Солисты Москвы» в Копенгагене, Оксфорде, Лондоне.

Июль. Концерты с оркестром «Солисты Москвы» в Риме, Бад Киссингене, Мекленбурге. Два концерта в Вербье: «Концертная симфония» Моцарта с В. Репиным под управлением Ю. Темирканова и Фортепианный квартет Шумана Es-dur с М. Аргерих, Г. Кремером и М. Майским.

Сентябрь. Фестиваль на Эльбе. Исполнение Литургии Г. Канчели в Линце и Генте (дирижер Дэнис Рассел Дэвис). Концерт с оркестром «Солисты Москвы» на Фестивале им. Энеску в Бухаресте.

Октябрь. Участие в гала-концерте во Франкфурте («Alte Oper»), посвященном открытию Международной книжной ярмарки. Концерт в Вене: Аренский. Квартет № 2. Шостакович. Квартет № 8.

25 октября — 7 ноября. Гастроли с оркестром «Солисты Москвы» в Японии.

9 ноября — сольный концерт в Сеуле. 27 ноября — сольный концерт в Лондоне (Барбикан-Холл).

29 ноября, Рим. 30 ноября, Флоренция. Концерты с Жаном-Ивом Тибодом (фортепиано) и Ангеликой Киршеншлагер (меццо-сопрано).

Ю. Башмет и «Deutsche Grammophon». В ближайших планах — записи «Концертной симфонии» Моцарта с Анне-Софи Муттер и Концерта Бартока с Берлинским филармоническим оркестром п/у П. Булеза.

Потрясающе, что в список грантополучателей попали две консерватории. Может быть, это важнее, чем оплата уже существующих коллективов. Следующий шаг — подумать о провинциальных консерваториях, о тех, которые являются центрами регионов.

Все сделано правильно. Главное — есть прецедент, и надо этому радоваться. «Дверь приоткрылась», и назад хода нет.

— Ваш оркестр «Новая Россия» грант не получил. Как Вы — руководитель коллектива — выходите из положения?

— Я оказался в оркестре, для которого грант не был предусмотрен, поскольку не было на то оснований. Благодаря поддержке Министерства культуры и Правительства нам удалось подружиться с большими финансами. Появился генеральный спонсор — группа компаний «Базовый элемент», которой руководит Олег Дерипаска. Благодаря их участию оркестр стал оживать. Люди по-другому себя чувствуют, утечки кадров нет. Оркестр очень молодой и перспективный. Сегодня уже сверстан серьезный зарубежный гастрольный план. Период в Англии, в Италии. Ведутся переговоры с Бельгией, Японией. В августе мы съездили на фестиваль русской музыки в Канны.

Что касается общей оркестровой картины... К сожалению, я не имею возможности ходить в качестве слушателя на все концерты. Я думаю, что от творческой задачи и творческого потенциала шефа оркестра зависит очень многое. Вся атмосфера и музыкальное пространство, в котором живет большой оркестр, зависят от таланта и работоспособности шефа. И от других дирижеров, и музыкантов оркестра. Но главное — это музыкальные идеи и их воплощение.

— Вы руководите симфоническим и камерным оркестрами, играете и дирижируете, у Вас есть свой конкурс, два фестиваля — на Эльбе и «Декабрьские вечера», фонд... Что Вам все-таки интереснее, где Вы можете больше проявиться как настоящий художник?

— Если все по полочкам раскладывать... «Декабрьские вечера» — это ностальгия. Это рихтеровская идея, которая, как и время, переживает изменения. Но фестиваль живет и очень ярко. Главным было не нарушить его идею. Он уникален синтезом искусств, там не просто картинки под музыку висят. На фестивале работает огромный штат людей, так что я не сижу с утра до ночи, продумывая программы. Определяю исполнителей, тему, конечно, корректирую программы.

Конкурс — это спецпроект, на котором раз в три года фокусируется внимание.

«Солисты Москвы» давно находятся на международном Олимпе. Когда я «разводился» с первым составом, у меня остались запланированные для них ангажементы. И новый состав сразу попал в этот график. Но это не умаляет достоинств оркестра: одно дело взять вес, другое — удержать и ставить новые рекорды.

Все, что касается собственно музыки — все виды выступлений с альтом (с роялем, в других ансамблях, с «Солистами Москвы»), — это мне дает возможность сохранять себя как инструменталиста. Я должен выходить на сцену с альтом. Я делаю это с большим удовольствием после того, как дирижирую. А с другой стороны, когда кладу альт и начинаю дирижировать, то получаю удовольствие не меньшее, чем от перехода от дирижирования к альту. Это удовольствия разного вида, как любовь. Нельзя сказать, какое больше. А дело, по большому счету, одно и то же — музыка.